

НАПОР ПРОТИВ МАЗНИ И РУЛАД

В «Пивнице под баранами» люди висели на люстрах

Шестнадцать лет назад я шел на представление подпольного «Театра абсурда» и предвкушал изобилие запретных плодов: невообразимый авангард, острая социальность...

Ничего такого не было и в помине. Григорий Залкинд, постановщик «Стульев» Эжена Ионеско, обошелся без злободневных параллелей и авангардистских «наворотов». Спектакль получился вполне традиционным... И гениальным.

Следующий раз я увидел актрису Жанну Герасимову много позже, в синтетическом проекте «Безюке». На сцене одновременно импровизировали трое — художник, музыкант и актриса. Художник покрывал здоровенный холст сомнительной мазней, музыкант выводил столь же сомнительные рулады. Зато Жанна была великолепа: ее эмоциональный напор позволял забыть и о мазне, и о руладах, и даже о тексте, который она произносила.

А на днях мне стало известно, что Жанна записывает музыкальный альбом. Тексты песен сперва показались ироничными, но внезапно я понял, что на самом деле это вовсе не «тексты», а стихи Цветаевой и Гумилева. Ироничность возникает сама собой — за счет исполнения.

— Я занимаюсь артистической песней, — пояснила Жанна, — это особый жанр. Каждая песня — маленький спектакль. Во-первых, изобразить надо не что-то параллельное, а саму песню. А во-вторых, песня тоже должна быть особенной, специально приспособленной для этого.

— То есть не всякую песню можно превратить в артистическую...

— Не всякую. Типичные артистические песни — ранние песни Пугачевой типа «Арлекино». И текст, и музыка, и образ — там все было. И никаких костюмов, никакого отдельного действия при этом не требовалось.

— Но твои песни, мне кажется, предполагают определенный костюм и определенную декорацию: длинный рояль, длинное черное платье, в одной руке — длинный мундштук, в другой — длинный бокал шампанского...

Но Жанна в корне пресекла мои «длинные» идеи:

— Терпеть не могу шампанского. И при чем тут рояль? У меня гитарная музыка. Я сама на сцене работаю с гитарой, и от этого весь кайф.

— Какой кайф?

— Мне это идет. И всегда шло. Я часто пела под гитару для друзей, но на сцену не вылезала. А в прошлом году меня услышал Янек Павлицкий, польский режиссер. Он устроил концерт в Кракове. Я выступила с четырьмя песнями в сборной программе. Всем понравилось, даже взяли интервью на радио. И среди вопросов был такой: почему ваше выступление называется «Песни белой Москвы»? Я сама удивилась, бросилась к Янеку. А он вытаскивает из кармана афишу. Действительно, «Песни белой Москвы». И говорит: выступаешь завтра с сольным концертом в «Пивнице под баранами».

— В пивной?!

— Нет, нет. Так называется зал, где проходит знаменитый польский «кабарет» — фестиваль камерных исполнителей. Я просто ахнула: целое отделение в «Пивнице»! И сколько у меня времени на подготовку? Янек ответил: ночь.

— И ты успела?

— Да. Был такой успех, что люди на люстрах висели. Все интересовались наперебой, где можно достать мой диск... А диска — нет. Вот Янек и решил выпустить диск.

— Как он будет называться?

— «Предвкушение». Я долго ломала голову над названием. Наконец, назвала диск в честь своей картины. У меня есть картина: портрет девушки, девушка держит в руке большое яблоко. На обложке диска эту картину смонтировали с моей фотографией — получилось, что вместо яблока на руке у девушки сижу я.

— Погоди, погоди... Ты еще и картины пишешь?

— Да. Я — член Союза художников. А ты не знал?

— Нет. И у тебя бывают выставки?

— Редко. Выставка — бессмыслица.

— Но хоть концерты в Москве у тебя будут?

— Я не спешу с этим делом, хочу все приготовить. Сейчас мне кажется, что выйти надо не просто с песнями — это должно быть шоу типа моноспектакля.

— Кстати, о спектаклях: собираешься восстанавливать залкиндские «Стулья»?

— Мы уже восстанавливали «Стулья» с Алексеем Зайцевым в драматическом театре Станиславского. Александр Товстоногов очень помог, подобрал прекрасную музыку, прекрасные декорации. Но потом Товстоногов ушел из театра, а за ним «ушли» и нас с Зайцевым.

— Там сейчас играет Мамонов...

— Мало того, еще и всем распоряжается. Он прекрасный музыкант, возможно — актер. Но не

СЕРГЕЙ ЯКИМЕЦ

режиссер. Вообще, необходимо вернуть к жизни все постановки Залкинда, не только «Стулья». Сейчас я стала худруком «Русского театрального общества», так что, надеюсь, удастся это организовать.

Я догадался, что в оргвопросах Жанна ведет себя так же, как на сцене: играет свой «моноспектакль». И это очень правильно. Любой «авангард» требует обязательной помощи извне. Тради-

ционное искусство ни в чем таком не нуждается — все необходимое приходит само собой. Именно поэтому традиционное искусство всегда иронично: при помощи иронии оно отделяет себя от всего лишнего.

И Жанна Герасимова твердо придерживается принципа одиночества — основного принципа, на котором стоит солидное традиционное искусство.

Кирилл ЯКИМЕЦ

Метро. — 1998. — 4 апр. — с. 9